

А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов

**ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук,
профессор Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Довгополов Егор Юрьевич – кандидат юридических наук,
доцент, юрист Центра исследования проблем российского права (Москва).

В политических процессах в современном мире значительные масштабы приобрели проблемы межэтнического взаимодействия и этнической идентичности. В связи с этим весьма актуально исследование обусловленности формирования массового политического сознания концептуально-идеологическими проявлениями этнического национализма. В статье поэтому рассматривается феномен проникновения этнонационалистической парадигмы в массовое политическое сознание посредством ее институционализации.

Центральным политико-идеологическим тезисом этнонационалистической парадигмы является положение о том, что нация предшествует государству. Данная установка характерна для традиции, сложившейся в германском общественном сознании на протяжении XVIII–XX вв., впоследствии воспринятой в Восточной Европе и России. Такое толкование нации проистекало из представления о ней как этнокультурной, более того, даже кровной общности.

В противоположность французской политико-идеологической традиции, в рамках которой феномен «нация – государство» возникает как политический проект, рожденный в политической борьбе третьего сословия, в германской политической мысли превалировало примордиалистское, этнокультурное представление о нации как о коллективном субъекте государства. Примордиалистское толкование состоит в автоматическом отнесении индивида к этнической группе по факту его происхождения.

Политико-идеологическая составляющая этнонационалистической парадигмы наложила на примордиалистские концепции современной западной

социальной философии и социологии (П. Ван ден Берге, К. Гирц, Р. Гамбино, У. Коннор, У. Самнер, Э. Шилз и др.). Его представители полагают изначальноность этнических категорий, трактуют этничность как извечное свойство человеческой природы.

В России оказались восприняты как политико-идеологические, так и социально-философские установки этнонационалистической парадигмы. Так, в XX в. именно немецкое толкование нации породило в русском языке употребление понятия «национальность» в этническом смысле, не связанном с государственностью, что и сегодня вносит терминологическую путаницу в российское общественное сознание. В советских общественных науках господствовало представление о нации как высшей форме этнической общности, сложившейся в эпоху становления капитализма, которое базировалось на известном определении И.В. Сталина: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры (...) ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [13, с. 6].

В теоретико-методологическом плане в советском общественном сознании господствовал примордиалистский подход к изучению этнических процессов. Социобиологическое понимание этничности наиболее ярко было представлено оригинальной концепцией пассионарности Л.Н. Гумилёва, считавшего этнос биофизической реальностью, облеченной в ту или иную социальную оболочку [6, с. 227]. Социокультурная версия примордиализма представлена В.Ю. Бромлеем. Ему принадлежит определение этноса, ставшее классическим для марксистско-ленинского обществоведения: «Этнос ... может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [4, с. 57–58].

Реализация в советской политической практике вышеупомянутых политико-идеологических и социально-философских установок началась с того, что большевики по достоинству оценили политический потенциал этнического национализма как инструмента для победы над своими противниками, выступавшими под лозунгами «единой и неделимой России». Апологеты советского режима ввели понятия «социалистического федерализма» и «национальной (а по сути дела, этнической) государственности», на основе которых проводилось национально-государственное строительство. В результате была создана лжефедерация так называемых национально-государственных обра-

зований, в основе которой иерархия этнических общностей. Такая иерархия характеризовалась ранжированием: 15 этнических общностей были наделены статусом наций, имевших свои государства и конституции с формальным правом выхода из СССР, другая часть общностей была представлена автономными республиками, областями и округами в составе союзных республик и наконец существовали этносы, обреченные на ассимиляцию, поскольку им было отказано в праве на самоопределение – прежде всего это касалось диаспор [8, с. 98–99].

Этнонационалистический подтекст выстроенной таким образом специфической иерархии этнических общностей заключался в следующем: нациями считались те народы, которые обладали государственностью либо административно-территориальной единицей (союзной республикой, автономной республикой, автономной областью, национальным округом). Советская институционализация этничности осуществлялась через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиканских образованиях, через систему преференций и квот на административно-бюрократический персонал, профессии и образование. Именно этим объясняется, почему несомненные достижения советской власти в решении национального вопроса связаны в основном с титульными и так называемыми коренными малочисленными этносами.

Посредством системы обязательной регистрации этнической принадлежности («национальности») в гражданских паспортах этничность в СССР стала социальной характеристикой. Национальность как бюрократический параметр этничности стала ранжиром социальной стратификации в республиках, на нижних ступенях которой оказались многочисленные «двойные меньшинства» внутриреспубликанских автономных образований [15, с. 41]. Это и стало предпосылками возникновения впоследствии институциональной практики ранжирования народов на коренные и некоренные, формирования в массовом политическом сознании этнонационалистических установок и представлений о приоритете так называемых титульных этносов, об их преимущественном праве пользоваться ресурсами национальных государств. В последующем это стало идеологическим обоснованием «выдавливания» русскоязычного населения из бывших советских республик.

Двойственность советской национально-этнической политики можно понять, если рассматривать ее в контексте реализации сталинской концепции обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма. С одной стороны, декларировалось равноправие и братский союз всех народов СССР, их право на свободное социалистическое развитие в едином советском государстве. С другой стороны, в повседневной социальной реальности осуществлялась антидемократическая практика: ограничивалась самостоятельность, сводилось на нет право на самоопределение, ущемлялись интересы

многих этнических общностей. Прежде всего это проявилось в отношении национальных меньшинств и диаспор. По отношению к ним институционализация национально-этнической политики тоталитарного государства происходила не путем национально-государственного строительства, а посредством ликвидации институтов поддержки идентичности, отрыва от обжитых мест, служивших очагами этнической культуры и этнической жизни. В результате представителям меньшинств ничего не оставалось кроме как ассимилироваться в составе советского народа как «новой исторической общности» [8, с. 165–166].

Все это вызывало настроения этнонациональной ущемленности и ощущение социально-этнической дискриминации, что объективно способствовало снижению потенциала интернационалистской идеологии в обществе и переходу этнонационалистических установок в массовое политическое сознание. Впоследствии этнонационалистические представления, установки и практика в огромных масштабах были использованы общественно-политическими движениями и политическими элитами в эпоху распада СССР и в постсоветский период.

Доктринальной основой советской этнополитики было специфическое сочетание этнонационалистического мировоззрения и интернационалистской идеологии. Советское интернациональное государство де-юре представляло собой интеграционное объединение национальных государственных образований в рамках единого союзного государства, а де-факто – имперскую многонациональную систему, ядром которой являлась коммунистическая номенклатурная бюрократия. Центр, представленный партократической элитой, использовал в качестве одного из важнейших инструментов власти интернационалистскую идеологию и советскую общенациональную культуру, основанную на русском языке и ценностях (разрешенных цензурой) преимущественно русской культуры.

Коммунистическая партократия подчиняла национально-этнические процессы системе своего господства, поддерживая определенную стабильность, при которой, с одной стороны, происходило развитие многих народов, а с другой – проводилась дискриминационная политика. Коммунистические режимы так и не смогли разрешить многие национально-этнические противоречия, хотя в известной степени им удалось смягчить и ослабить некоторые из них. Так, советские политико-идеологические институты интенсивно работали на обоснование расового и национально-этнического равноправия, межнационального сотрудничества и интернациональной солидарности. В СССР функционировала всеобъемлющая система так называемого «патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся», которая являлась идейно-политическим механизмом противодействия националистической идеологии, блокирования открытых проявлений этнической и расовой

ксенофобии. В результате сформировалась достаточно высокая культура межэтнического общения. Ее главная особенность состояла в том, что как на официальном уровне, так и на уровне массового сознания ксенофобия, неуважение к национальному достоинству осуждались и считались дурной манерой мышления и поведения.

После крушения коммунистического строя бывшая партократия в своей значительной части возглавила процессы суверенизации в бывших республиках. Представители номенклатурно-бюрократической элиты, отбросив интернационализм как государственную идеологию, официально взяли на вооружение идеологию этнического национализма. Используя ее как инструмент этнополитической мобилизации масс, они осуществили приватизацию власти и других ресурсов в новых национальных государствах, провозглашая приоритетные права так называемых коренных (титულных) этносов. Это привело к образованию дискриминируемых меньшинств, массовому оттоку русскоязычного населения, разрушению интернациональной культуры межэтнического (межнационального) общения. Что касается постсоветской России, то элиты национальных республик в ее составе воспроизводили «на местах» модель политических и социальных сообществ мобилизационного, авторитарного типа [1, с. 138].

Этими обстоятельствами объясняется широкое распространение и укоренение этнического национализма в массовом политическом сознании на пространстве бывшего СССР. Этнонационалистическая волна не обошла стороной и постсоветскую Россию. В значительной степени это было обусловлено идеологическим вакуумом российского общества, постсоветской фрагментацией массового политического сознания, что усугублялось чрезвычайно быстрой трансформацией социальных ценностей и норм. Принципиально новые масштабы мобильности населения сделали весьма ощутимым миграционное давление, «что, в свою очередь, влечет за собой расширение кроссэтнической коммуникации и, как следствие, повышение значимости этнического фактора» [17, с. 55]. Сменившая коммунистический режим новая политическая элита России, апеллируя к ценностям демократического развития, не озаботилась решением проблемы формирования новой национальной идеологии и общероссийской идентичности, не уделяла должного внимания научному обоснованию государственной национально-этнической политики.

В условиях обретения Россией национально-государственного суверенитета этнонационалистические взгляды и убеждения стремительно заполняли идейную нишу от накопленных в СССР интернационально-патриотических ценностей. Опасность стала понятной при попытках решить вставшую перед новым государством проблему формирования общероссийской идентичности. С одной стороны, государствообразующими основами Российской Федерации в массовом сознании представлены русский народ и русская культура,

и в рамках такого подхода Россия – государство русского национального большинства. С другой стороны, Россия – полиэтничное государство, в котором наряду с русскими как метаэтнической общностью представлены меньшинства, включающие народы бывших советских республик, народы, исконно проживающие на территории России, этнические диаспоры выходцев из других государств, длительно проживающих или недавно прибывших в Россию.

В этом контексте заслуживает внимания точка зрения екатеринбургского этнополитолога М.А. Фадеичевой, что в постсоветской России «...под влиянием целого комплекса социально-экономических, политических и социально-психологических факторов начал складываться идеологический дискурс, который условно можно обозначить как дискурс “нашизма”» [17, с. 55]. По ее мнению, современный российский дискурс «нашизма» существует в формах, каждая из которых отличается собственным подходом к различению «нашего» и «не нашего». «В рамках националистического “нашизма” “своими” считаются все россияне, т.е. критерием отнесения к “нашим” выступает принадлежность к складывающейся в России полиэтничной гражданской нации. Этнонационалистическая версия “нашизма” дополняет “гражданский” принцип этническим. Распознавание “наших” по антропологическим признакам характерно для “нашизма” расистского толка» [17, с. 56]. В этих условиях исключительное значение имеет формирование этнополитической ориентации массового сознания прежде всего русского населения России, от ценностных ориентиров и установок которого решающим образом зависит и сохранение межэтнического мира в стране, а также направленность, характер и результаты политических трансформаций российского общества в современных условиях [2, с. 48].

Превращение этнического национализма в значимый феномен постсоветского массового сознания интенсифицировалось в 1990-е годы. Так, например, произошло излишне расширительное толкование и употребление термина «диаспора». Как справедливо полагает М.А. Фадеичева, «под влиянием политической и журналистской моды, позволяющей пользоваться словами без адекватного понимания их значений, “меньшинства” превращаются в “диаспоры”. Сконструированные вербальные структуры порождают некие самостоятельные сущности, которые начинают жить своей жизнью, обретают виртуальное бытие в качестве этнополитического института, претендующего на особое отношение к нему со стороны государства и общества. Любая этническая группа превращается в диаспору независимо от того, относятся ли ее члены к “коренному населению”, беженцам или трудовым мигрантам» [16, с. 140].

С такой позицией согласуется и точка зрения В.А. Тишкова, полагающего, что «...процесс “диаспоризации всей страны” должен быть остановлен.

Граждане государства, проживающие на его территории, не могут считаться диаспорой, как не являются диаспорами татарская или чеченская общины в Москве. Иначе нам придется причислить к диаспорам половину населения страны». По его мнению, «...внутри государства граждане не могут делиться на диаспоры, за исключением новожителей – иммигрантов или старожителей, продолжающих считать своей основной родиной страну исхода и соответственно демонстрирующих это в своем поведении» [15, с. 187].

По мнению известного иркутского исследователя феномена диаспоры В.И. Дятлова, «...через новые слова или новые смыслы старых слов может формироваться новая реальность, новые социальные связи и отношения. Вот почему расширяющееся применение термина “диаспора” в социально-политической практике, чрезвычайно свободная его трактовка вкупе с широко распространенным общинно-сословным пониманием природы, человека и общества может чрезвычайно осложнить и без того непростые межнациональные отношения» [7, с. 138].

Государственные служащие, которым надлежит осуществлять управление межэтническими отношениями, по меткому замечанию В.И. Дятлова, «находятся в лихорадочном поиске объекта управления» [7, с. 131]. Для объяснения феноменов мультикультурности и полиэтничности современного общества соответствующий административный персонал массово изобретал и вводил терминологию и стилистику бюрократического делопроизводства. В частности, это произошло с термином «диаспора». Поскольку данное понятие стало использоваться без учета заложенных в нем исторических смыслов, оно постепенно стало своего рода клише. «Нередко так теперь называют (и таким образом вычленяют и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных групп, живущих вне пределов соответствующих государств или “национальных очагов”» [7, с. 132].

В 1990-е годы новоявленные термины стали приобретать институциональный характер, поскольку внедрялись в практику юридического нормотворчества. Например, в Концепции национальной политики Республики Бурятия (одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия от 29 сентября 1997 г. № 336) выстраивается определенная иерархия этнических статусов населения республики: «народы», «коренные малочисленные народы», «этноконфессиональные группы», «этнокультурные группы», «диаспоры, проживающие на территории Бурятии», причем в этой иерархии бурятский народ выделяется как государственнообразующий, а буряты вместе с русскими и эвенками трактуются как «основа многонационального народа Бурятии» [3, с. 90–93].

Таким образом, диаспора трактуется как специфический социальный организм, в который индивид включен по факту этнической принадлежности. Эта принадлежность к диаспоре истолковывается не как результат личного

выбора, а как следствие изначальной принадлежности к этнической общности. В результате в массовом сознании формируется представление, что человек по факту врожденной этничности изначально должен быть приписан к группе, которая несет за него коллективную ответственность перед государством и обществом. В связи с этим появляется феномен «этнического антрепренерства» в среде самих меньшинств, которое проявляется в различных спекуляциях на этнополитической проблематике с целью добиться власти, влияния и общественного признания как у властей, так и у своих «соплеменников». Не этим ли объясняется, что в кругах активистов общественных объединений некоторых меньшинств постоянно возникают проекты придания своим организациям квазигосударственных функций. «Так, созданное в 1994 г. в Иркутске азербайджанское национально-культурное общество “Даяг” провозгласило своей основной целью установить контроль над всеми выезжающими в город азербайджанцами. ...Совет “Даяга” планировал вывезать “позорящих честь нации азербайджанцев” и при необходимости высылать их на родину» [7, с. 135].

Реализации примордиалистской установки также способствовал, несмотря на благие пожелания своих разработчиков, и принятый в 1996 г. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (далее – Закон). Национально-культурная автономия (НКА) трактуется в Законе следующим образом – это «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры» [10].

По мнению А. Позднякова, советника Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства РФ, по долгу службы осуществлявшего разработку проблем взаимодействия государства с национально-культурными организациями, НКА задумывалась не только как инструмент государственной политики, предполагалось, что это будет институт, объединяющий усилия всех общественных объединений этнической общности. Именно с этим «объединением объединений» и должно работать государство в сфере решения проблем этнокультурного развития этноса. Внутри этого объединенного сообщества формируются основные цели и задачи национально-культурных автономий: решение вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и национальной культуры. И только после этого происходит «диалог» с государством об оказании содействия [11]. Неудивительно, что при такой постановке вопроса одни лидеры национально-этнических объединений восприняли новоявленный институт НКА как посягательство на свои права, а другие – как некий «ярлык» государства на «княжение» среди своих коллег, требуя признания своего верховенства

в решении всех вопросов [11]. Так, на III съезде Общероссийского объединения корейцев, состоявшемся в июне 2008 г. в Москве, руководитель корейской национально-культурной автономии Санкт-Петербурга заявил, что, по его мнению, все несколько тысяч представителей корейской диаспоры, проживающие в этом городе, автоматически являются членами возглавляемой им общественной организации [8, с. 299].

Этот пример является иллюстрацией того, что субъекты массового политического сознания в лице как активистов национально-культурных организаций, так и их рядовых членов, оказавшись в плену примордиалистского принципа, невольно становились носителями этнонационалистических установок и представлений.

По мнению В.А. Тишкова, «...в противовес фундаменталистским трактовкам этничности, как неких “миров” и “статусов”, многие россияне совершили или совершают переход в другую “национальность” по предпочтительному (экономически более выгодному) выбору или же изобретают для себя “отдельную” идентификацию: эрзя вместо мордвы, кряшены и булгары вместо татар, поморы и казаки вместо русских и т.п. ...Часть россиян отказывается от некогда престижной принадлежности к “социалистической нации” аварцев, удмуртов, тувинцев, хакасов или алтайцев в пользу еще более узких идентичностей – так называемых субэтносов, количество которых уже исчисляется десятками» [14, с. 152]. Кроме того, сами понятия «этническая общность» и «этническая община» в мегаполисах и крупных городах – весьма условны и не имеют сколь-нибудь значительных фактических и правовых оснований, поэтому у национально-культурных общественных объединений отсутствуют полномочия представлять интересы всех, кто себя с такими общностями идентифицирует.

Не подлежит сомнению идеологический сдвиг в сторону широкого распространения этнонационалистических установок и настроений в массовом политическом сознании. Не потому ли опросы, проведенные в марте 2006 г. ВЦИОМом и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 44 регионах России, показали, что 12% населения считают, что в «фашизме есть что-то положительное», а каждый четвертый думает, что фашистские методы решения национальных проблем «особой опасности не представляют» [9]? По данным ФОМ, «только один из пяти опрошенных осудил погромщиков в Кондопоге. Тех, кто их поддерживает, – в два с половиной раза больше. В их глазах люди там отстаивали свои права, боролись с засильем приезжих с Кавказа» [18]. Социологическое сообщество бьет тревогу: «Больше половины россиян поддерживают идею “Россия – для русских”» [18]. Согласно опросу Левада-Центра, «34% из нас согласны с тем, что “во многих бедах России виноваты люди нерусских национальностей”, 42% предлагают ограничить проживание

на территории страны выходцев с Кавказа, 41% – китайцев, 23% – жителей среднеазиатских республик» [18].

Спустя четыре года, в 2010 г., исследования ВЦИОМа показали, что 47% граждан отмечают ухудшение межнациональных отношений в стране, 32% (ФОМ) считают, что многонациональность России скорее приносит больше вреда, чем пользы, а 24% испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. 56% (Левада-Центр) считают, что массовые кровопролитные столкновения на национальной почве возможны [12].

Данные, представленные ВЦИОМом в 2014 г., показывают обеспокоенность половины граждан России (49%) ростом напряженности и нетерпимости в сфере межнациональных отношений. Жители Москвы и Санкт-Петербурга настроены по этому поводу особенно скептически (64%). Оценка россиян стала более негативной, нежели в предыдущие годы (см. табл. 1) [5].

Таблица 1

**КАК НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ИЗМЕНИЛИСЬ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ?
(закрытый вопрос, один ответ)**

	2006	2008	2010	2011	2013
Они стали напряженнее, нетерпимее	36	24	32	39	49
Какими были, такими и остались	40	40	44	40	39
Стали более терпимыми	17	27	16	11	9
Затрудняюсь ответить	7	9	8	10	3

Кроме того, этнонационалистический вектор общественного мнения проявляется и в этнических предпочтениях опрошенных. Так, среди многочисленных национальностей наши сограждане в первую очередь симпатизируют «русским» (40%). В особом расположении ко всем «славянским народам» признались 5% опрошенных, еще по 2% выделили «кавказцев» и «татар». Только каждый десятый респондент (11%) одинаково относится ко всем и не отдает предпочтение ни одной национальности. Треть наших сограждан (31%) не смогла выделить ни один народ (см. табл. 2) [5].

С вышеизложенными взглядами согласуются данные, полученные в ходе социологического опроса, проведенного некоммерческим партнерством «Дальневосточный институт социально-политических исследований» 2–9 июля 2015 г. в г. Хабаровске под руководством известного дальневосточного политолога И.Ф. Ярулина (подобные опросы по сходной методике проводились в Уфе (2006), Краснодаре (2007), Астрахани (2009), Хабаровске (2010)) [19, с. 131]. В рамках исследования миграционной ситуации представителям местного (в большинстве своем русского) населения были заданы

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

вопросы, касающиеся их предпочтений относительно того, представителей каких национальностей следует принимать на Дальнем Востоке (см. табл. 3) [19, с. 132].

Таблица 2

К ЛЮДЯМ КАКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ЧУВСТВО НАИБОЛЬШЕЙ СИМПАТИИ? (открытый вопрос, любое число ответов, в таблице указаны ответы, названные не менее чем 1% опрошенных)

	<i>Все опрошенные</i>
Русские	40
Славянские народы	5
Кавказцы (адыги, армяне, грузины, кабардинцы)	2
Татары	2
Белорусы	1
Украинцы	1
Европейцы (англичане, французы, немцы, итальянцы, испанцы)	1
Народы Средней Азии (таджики, узбеки, казахи)	1
Буряты	1
Ко всем национальностям отношусь одинаково	11
Таких народов, национальностей нет	31
Другие	1
Затрудняюсь ответить	4

Таблица 3

С КАКИМИ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ УТВЕРЖДЕНИЙ ВЫ СОГЛАСНЫ?

<i>Вариант ответа</i>	<i>%</i>
Дальний Восток должен принимать преимущественно русских из бывших республик СССР	25,5
Дальний Восток должен принимать всех мигрантов, желающих здесь жить и работать, независимо от национальности и страны происхождения	8,1
Россия должна принимать только беженцев, независимо от их национальности	9,8
Чем меньше на Дальнем Востоке мигрантов, тем лучше	44,3
На Дальнем Востоке нужно принимать всех мигрантов	3,8
Затрудняюсь ответить	8,5

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что этнические предпочтения в большинстве своем связаны с желательностью приема в основном русских. Это свидетельствует «об очевидности “этнической” и ограничительной ориентации миграционной политики на федеральном уровне» [19, с. 132]. Складывающееся общественное мнение, таким образом, основано в значительной степени на противопоставлении по линии «наши» – «не наши». По своей глубинной природе оно носит, по нашему убеждению, нормативно-

ориентационный характер. Можно согласиться с И.Ф. Ярулиным, что «важным моментом в системе межэтнической коммуникации является нормативная ориентация, которая понимается как стандарт выбора, в соответствии с которым цель связывается с ситуацией» [19, с. 128]. Несовпадение целей этнических мигрантов с тем образцом, который представляется желательным для населения принимающего общества, является существенным проблемообразующим, конфликтогенным фактором во взаимодействии этих социальных субъектов. Именно поэтому «вероятностная кривая направленности межэтнических интеракций отклоняется в сторону негативных стратегий взаимодействия» [там же].

Логично предположить, что представления, установки и убеждения этнического национализма являются превращенными формами массового сознания, выражающими социальное недоверие к общностям, которые воспринимаются как «социально другие» [там же] и от которых, по мнению местного этнического большинства, исходит культурная, социальная, физическая или иная угроза.

Таким образом, преодоление этнического национализма является важным условием формирования российской нации: всё здесь зависит от того, на основе каких политико-идеологических принципов, какой системы ценностей государственная власть управляет национально-этническими отношениями, объединяя различные народы в единое полиэтничное государство. Такая ценностная система должна быть публично заявлена и включать в себя установку на гражданский патриотизм и этническую толерантность.

Демократическая этнополитика предполагает раннее предупреждение ксенофобии, расизма и этнического национализма, а также их жесткое пресечение. Факты активности государственных институтов в этом направлении необходимо делать достоянием широкой общественности. Национально-культурным организациям, в свою очередь, необходимо вести конструктивный диалог с властями на разных уровнях, сохранять этнические традиции и язык, устранять проявления дискриминации в различных сферах общественной жизни.

Полезно будет и современное переосмысление опыта «интернационального и патриотического воспитания трудящихся», накопленного в советский период. Это поможет научному обоснованию демократической этнополитики и культуры межэтнического общения в условиях формирования российской гражданской нации, преодолению догм этнического национализма.

Литература

1. Ачкасов В.А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России / В.А. Ачкасов, С.А. Бабаев; С.-Петербург. гос. ун-т; С.-Петерб. философское общество. – СПб., 2000. – 144 с.
2. Ачкасов В.А. Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России / В.А. Ачкасов // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: Природа, причины и пути устранения: Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2007 г.) / Науч. ред. В.А. Ачкасов, Д.З. Мутагиров. – СПб., 2007. – С. 43–49.
3. Байкальский регион: Правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001) / Авт.-сост. Ю.Н. Пинигина. – М.; Иркутск, 2002. – 311 с.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 418 с.
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114690> (Дата обращения: 31.05.2016.)
6. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв; под ред. В.С. Жекулина. – Л.: Гидрометеоздат, 1990. – 526 с.
7. Дятлов В.И. Диаспора: Экспансия термина в общественную практику современной России / В.И. Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–138.
8. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика: монография / А.С. Ким; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.
9. Костиков В. Мигранты: Быть или не быть? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2006. – № 15. – С. 8.
10. О национально-культурной автономии: Федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2965.
11. Поздняков А. Прописано законом, изменено жизнью / А. Поздняков // Российские корейцы. – 2008. – Май. – № 103. – С. 4.
12. Россия – для кого? // Аргументы и факты. – 2011. – № 7. – С. 6–7.
13. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос / И.В. Сталин. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938. – 232 с.
14. Тишков В.А. О культурном многообразии / В.А. Тишков // Этнодиалоги. Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». – 2006. – № 1 (24). – С. 150–168.
15. Тишков В.А. Этнология и политика: статья 1989–2004 гг. / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2005. – 240 с.
16. Фадеичева М.А. Диаспора и состояние этнического индивида / М.А. Фадеичева // Диаспоры. – 2004. – № 2. – С. 140–154.
17. Фадеичева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России / М.А. Фадеичева // Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 53–60.
18. Цепляев В. Станет ли Россия одной большой Кондопогой? / В. Цепляев // Аргументы и факты. – 2006. – № 38. – С. 8.
19. Ярулин И.Ф. Концепт «доверие» при анализе этнических миграций / И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (49). – С. 128–133.